

УДК 821.124'04(476).09–131"15/16"

**"ПАНЕГИРИК НА ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА" (1580) БАЗЫЛЯ ГИАЦИНТА
И ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ПАНЕГИРИКА
КАК ЖАНРА ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

*Некрашевич-Короткая Жанна Вацлавовна,
д-р филол. наук, проф.*

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В статье рассматривается проблема слишком свободного обхождения с термином "панегирик" в историко-литературоведческом дискурсе. Название этого жанра, история которого восходит к литературе Древнего Рима, соотносилось в первую очередь с ораторской прозой. Тем не менее, термин "панегирик" широко применяется исследователями литературы XVI–XVII веков для жанрового обозначения самых разнообразных произведений – как прозаических, так и поэтических. В качестве отдельного примера в статье характеризуется поэтический памятник XVI века "Панегирик на взятие Полоцка" виленского поэта Базыля Гиацинта, делаются выводы о специфике его жанрового генезиса.

Ключевые слова: панегирик, ораторская проза, торжественная речь, поэтика, жанр, Великое Княжество Литовское, Ренессанс.

Использование хорошо известного с древнейших времен термина "панегирик" по отношению к произведениям XVI–XVII веков в публикациях современных гуманитариев довольно часто осуществляется вне терминологического дискурса, достаточно произвольно и без надлежащей базы теоретического обоснования. Так, например, известный польский исследователь литературы эпохи Ренессанса Ю. Новак-Длужевский на одной и той же странице своей книги относит "*Hodoeporicon Moschicum...*" ("Описание похода на Москву...", 1582) Ф. Градовского к жанру *hodoeporicon*, а затем называет это произведение панегирической поэмой [Nowak-Dłużewski 1966, 135]. Белорусский искусствовед Б. Лазуко пишет о некоем "панегирике братьев Скорульских", причем из текста статьи с большим трудом можно догадаться, идет ли речь о прозаическом либо о поэтическом тексте. Столь же туманны рассуждения автора о традициях панегирической литературы. Ее начала автор связывает как с памятником ораторской прозы XV в. "Похвала о великом князи Витовте", так и со стихотворением Франциска Скорины из предисловия к книге "Иов". "В XVI–XVII веках, – утверждает автор, – панегирики писались в форме эпиграмм – риторически-образных прославлений гермам лиц, городов или определенным событиям" [Лазука 2005, 102]. Известный исследователь старобелорусской книжной поэзии И. Саверченко довольно широко пользуется определением "панегирические жанры": к ним он относит эпиграмму (называя ее также эмблематическим стихотворением), стихотворения-приветствия (написанные по случаю свадьбы), декламации [Саверчанка 1992, 40–62]. Украинская автор В. Корниенко в своей статье, посвященной латиноязычному панегирику XVI–XVII вв., считает панегирик литературным направлением и относит к первым его памятникам сборник "XII Panegyrici Latini". "Этот сборник, – пишет исследовательница, – представляет собой собрание панегириков, обращенных к римским императорам от Траяна до Феодосия Великого" [Корниенко 2009, 126]. Речь здесь идет о похвальных речах, т. е. произведениях ораторской прозы. Однако завершается статья упоминанием эпической поэмы "*Смоленские Камени*" ("Днепровские Камени", 1620) Яна Домбровского (названной панегириком), а также сборника стихотворений (!) "*Мнетосуня*", посвященных митрополиту Петру Могиле [Корниенко 2009, 128].

Такая смысловая "всеядность" панегирика, а также терминологическая размытость жанровых номинаций, включающих в себя слова "панегирик" либо "панегирический", объясняется расширением на исторической дистанции семантического поля данного понятия. Так, И. Шталь четко формулирует первоначальное (сформированное в культуре древней Греции) значение термина "панегирик" как "торжественная речь, произнесенная на общенародном празднестве или многолюдном собрании, решающая вопросы государственной важности и содержащая похвалу некоему общественно значимому событию или объекту", однако затем добавляет, что в переносном смысле "панегирик" означает безудержную, сверхмерную похвалу [Шталь 1974, 258]. Амбивалентность термина "панегирик" подчеркивают также белорусские и украинские теоретики литературы: в первоначальном смысле это торжественная похвальная речь, позже – любое литературное произведение хвалебного характера или даже любая похвала, которая утрачивает меру объективности [Лазарук 1996, 106; Рагойша 2004, 484; Галич 2006, 289]. Интересно при этом, что в последнем из процитированных источников подраздел "Панегирик" входит в раздел "Жанровое деление лирики" вместе с такими (явно поэтическими) жанрами, как эпиграмма, дифирамб, пеан, мадригал, эпитафия, ода, элегия и др. Непонятно, однако, как же "торжественная похвальная речь" соотносится с понятием лирики.

В этом смысле хотелось бы обратить внимание на известное исследование В. П. Маслюка, посвященное латиноязычным поэтикам и риторикам XVII – первой половины XVIII в. Излагая представленную в барочных поэтиках теорию литературных родов и видов, ученый выделяет эпическую, драматическую, сатирическую, буколическую, элегическую, лирическую, эпиграмматическую, а также курьезную и фигурную поэзию, но при этом отказывается от использования термина "панегирик" [Маслюк 1983]. Подобным образом, не употребляет данное понятие в составе терминологических конструкций и литовская литературовед-медиевист Эгле Патеюнене, автор блестящего исследования, посвященного малым литературным формам XVI–XVII вв. [Patiejūnienė 1998]. В ее книге можно встретить лишь атрибутивное употребление интересующего нас понятия, причем безотносительно к характеристике жанра. Так, рассуждая о геральдических стихах, Э. Патеюнене подчеркивает стремление их авторов "панегирически интерпретировать любой элемент герба" [Patiejūnienė 1998, 86].

Следует согласиться с теми учеными, которые для характеристики стихотворных памятников XVI–XVII вв. предпочитают выражениям "панегирик" либо "панегирический жанр" более точные термины. Присутствие номинации "*panegyricus*" в названии поэтического произведения – факт вовсе не типичный, а скорее исключительный для восточнославянской книжной традиции. Во второй половине XVI в. в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) было опубликовано шесть книг, в названиях которых присутствовала соответствующая номинация [см.: Index 2002], и лишь одна из этих книг – "*Panegyricus in excidium Polocense*" ("**Панегирик на взятие Полоцка**") **Базыля Гиацинта** – содержит в себе поэтический памятник. Как и в культуре Древней Греции, в литературе ВКЛ термин "панегирик" обычно включался в название произведения, относящегося к жанру ораторской прозы. Типичные образцы таких номинаций – изданные в Вильне "*Panegyricus ad Stephanum I*" ("**Панегирик Стефану I**", 1580) Кшиштофа Варшевицкого, "*Panegyricus illustrissimo*

principi, domino d. Nicolao Christophoro Radivillo..." ("Панегирик найсветлейшему князю, пану Николаю Христофору Радзивиллу...", 1598) Андрея Волана и др.

Понимание панегирика как прозаического, а не поэтического жанра соответствовало дефинции Скалигера: "*Panegyricus igitur est oratio laudatoria quae dici consuevit apud multitudinem congregatam*" ("Панегирик есть похвальная речь, которую обычно произносят при большом стечении [людей]") [Scaliger 1561, 160]. Вместе с тем, европейская письменная традиция создала предпосылки для более широкого понимания термина "панегирик", сформулированного В. Брухнальским: "Панегирик – литературное произведение, которое с точки зрения формы может принимать вид какого-то определенного прозаического или поэтического жанра, а с точки зрения содержания содержит в себе похвалу (*laudationem, laudes*) (при необходимости – также осуждение (*vituperationem*), причем расширенное в большей или меньшей степени) лица или события, как реального, так и вымышленного, как конкретного, так и отвлеченного" [Bruchnalski 1975, 204]. Тот факт, что Гиацинт дал название "*Panegyricus*" поэтическому произведению, объясняется, на наш взгляд, влиянием литературной практики Западной Европы. Довольно большим количеством поэтических панегириков представлены старопечатные конволюты XVI в., хранящиеся в библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (Германия). Так, например, в 1563 г. в Вене был опубликован "Панегирик на торжественную коронацию божественного Максимилиана" (584 гекзаметра), а в 1572 г. – стихотворное произведение под названием "*Panegyris*" в честь цесаревича Рудольфа, сына императора Максимилиана II Габсбурга (226 гекзаметров). Таким образом, Базиль Гиацинт, учившийся в Падуе, предпринял попытку транслировать соответствующее "расширительное" понимание термина "панегирик" в литературный дискурс ВКЛ.

Историческая основа произведения Гиацинта – освобождение войском Стефана Батория в 1579 г. Полоцка, захваченного войсками Ивана Грозного в 1563 г. "Панегирик" написан гекзаметром, однако не может быть квалифицирован как образец героического эпоса. Сам автор в поэтическом предисловии под названием "*De suo panegyrico*" ("О моем панегирике") признаётся: "*talis carmine non sim, // Qualis Homerus erat, vel Maro quails erat*" ("я не таков в песне, каким был Гомер либо каким был Марон") [Hyacinthus 1580, 2 n. n.]. Несмотря на декларированное дистанцирование от традиции Вергилия, в прозаическом предисловии, адресованном князю Николаю Христофору Радзивиллу, автор затрагивает тему героического идеала. Он считает, что именно из дома Радзивиллов "*sapientissimi strenuissimique viri et ad pugnas tractandas et ad patriam consilio iuuandam prodeunt*" ("появляются на свет самые мудрые и храбрые мужи, – и чтобы направлять войска в битву, и чтобы [своей] мудростью укреплять Отчизну") [Hyacinthus 1580, 4 n. n.]. Как и поэты немецкого культурного пространства, автор подчеркивает двойственность природы героического, а в начале произведения, как и Ян Вислицкий в "Прусской войне", актуализирует образ-символ Молвы (*Fama*):

Grandia fama volans tenuem cantare pudore

Inciat abiecto, Lituanae gentis ab ora

Materiem laudum promens, Stephanumque Polonum

Extollens Regem sublimia ad aethera factum

Victorem ex Moscho magna uirtute Tyranno [Hyacinthus 1580, 9 n. n.].

Молва, пролетая, побуждает [меня], остроумного / незнатного / ничтожного, отбросив стыд, воспевать великое, находя предмет для восхвалений и вознося к высоким небесам польского короля Стефана, который, проявив великую доблесть, стал победителем московского тирана.

Используя по отношению к себе определение "*tenuis*", Базыль Гиацинт уже в первой строке создаёт игру различными смыслами: это прилагательное может переводиться как минимум с тремя различными значениями (что и отражено в нашем подстрочном переводе). В использовании такого приёма – продолжение той традиции "ренессансного кокетства" (М. Плезия), которая нашла воплощение в творчестве Яна Вислицкого и Николая Гуссовского.

Гиацинт, не немереваясь сочинять эпопею, сохраняет, однако, традиционную для этого жанра формулировку темы (*argumentum*) и обращение к покровителю поэзии (*invocatio*). При этом он проявляет авторскую оригинальность. Так, тему поэтического повествования поэту "приносит" Молва, а вместо Музы поэт обращается... к самому князю Радзивиллу:

Da captis faciem cursum faueasque labori

Maxima pars belli, Litauum clarissime gentis

Dux Radiuille, regens excelsa palatia Vilnae [Hyacinthius 1580, 9 n. n.].

Дай начинаниям лёгкий бег и благоволи [этому] труду, о главный участник войны, Радзивилл, самый славный князь из рода литвинов, правящий в высоких чертогах Вильни.

С самого начала автор не обременяет себя сугубым панегиризмом: он демонстрирует свою настроенность на игривый тон, на критическое переосмысление канонической героической поэзии. Здесь уместно вспомнить, что Базыль Гиацинт учился в Падуе; примерно в это же время там преподавал поэтику Франческо Робортелло, пропагандировавший в своём трактате по поэтике иронию как важное средство поэтической выразительности. Учеником Робортелло был и Ян Кохановский [Morawski 1923, 45], автор знаменитых "Фрашек". Возможно, автор "Панегирика на взятие Полоцка" решил достичь художественной оригинальности путем объединения панегиризма, возвышенности с ключевым для поэтической школы Робортелло приёмом – иронией. Это стремление заметно в художественной фактуре всего произведения.

Так, например, в "Панегирике" присутствует эпизод с описанием предшествовавшего битве дружеского застолья в военном лагере короля Стефана Батория. Поэт, не называя имён участников застолья, будто бы конспективно фиксирует услышанные им истории: вот один из воинов рассказывает, как его отец близ Орши разбил много тысячное войско; другой вспоминает об убийстве воеводы Шуйского, третий описывает Ульскую битву (1564), четвертый – осаду Стародуба (1535); в конце концов, некоторые вспомнили даже подвиги князей XIV–XV веков – Витовта, Ольгерда и Ягайлы [Hyacinthius 1580, 16 n. n.]. Живость, художественная насыщенность описания, использование эмоционально-оценочных метафор свидетельствует о поэтическом мастерстве автора. Начав с передачи детального, с цифрами, воспоминания, в дальнейшем поэт всё более обобщает сообщения других собеседников. Таким образом он передаёт эффект постепенного "пьянения" участников застолья. В конце концов, после длительного служения Вакху все они начали желать "Несторовых лет" королю, называя его "будущим победителем безжалостного врага" [Hyacinthius 1580, 16 n. n.].

Завершается произведение "славой" королю Стефану Баторию:

Quis te Vitoldum quis te nobis Iagellum

Afflictis bone Rex caelo demisit ab alto?

Ferrea quo cessant, quo surgunt aurea regno

Secla, cadit tumidus quo deuincente Tyrannus [Hyacinthius 1580, 44 n. n.].

О добрый король, кто послал к нам, навшим духом, тебя, Витовта, тебя, Ягайло? С тобой в королевстве завершается железный век и начинается золотой век; побежденный тобою, падает высокомерный тиран.

Метафорическое уподобление короля знаменитым князьям ВКЛ – Витовту и Ягайло – поэт удачно сочетает в одном контексте с представлением о железном и золотом веках, воплощенном в "Метамарфозах" Овидия.

Таким образом, как композиция, так и поэтика "Панегирика" Базыля Гиацинта обнаруживают в нём черты, свойственные стилю прозаического панегирика. Но облечение этих черт в стихотворную форму следует считать результатом довольно успешного литературного эксперимента автора. Собственно же прославление сочетается в произведении с самыми разнообразными стилевыми приёмами и не мешает введению многочисленных тематических ответвлений (например, в "Панегирике" описан технологический процесс производства лёгких пушек в полевых условиях).

В целом, на наш взгляд, термин "панегирик" в значении жанра в контексте историко-литературных исследований уместно применять лишь к произведениям ораторской прозы. Что же касается поэзии XVI–XVII вв., то, вслед за В. Маслюком и Э. Патеюнене, в ее научных описаниях следует, по возможности, избегать выражений "панегирик" и "панегирический жанр" без достаточного на то основания, ибо применительно к поэтическим произведениям они оказываются терминологически обезличенными. Не вполне корректно называть панегириками (в смысле жанровой атрибуции) памятники историко-династического эпоса XVI–XVII вв. – такие, как "Прусская война" (1516) Яна Вислицкого, "Радзивиллиада" (1592) Яна Радвана, "Об Острожской войне" (1600) Симона Пекалида или упомянутая выше поэма "Днепро-вские Камени" (1620) Яна Домбровского. Исходным классификационным посылом здесь видится термин "поэма", обозначающий основной жанр лиро-эпоса; именно этим термином определяют жанровую принадлежность произведений Домбровского и Пекалида Н. Яковенко и В. Миронова [Яковенко 2005, 414- 418]. Понятия же "панегирик", "панегирический", "панегирически" целесообразнее применять для характеристики стилиевой специфики произведения.

Некрашевич-Коротка Ж. В., д-р філол. наук, проф.

Білоруський державний університет, м. Мінськ, Білорусь

"Панегірик на взяття Полоцьку" (1580) Базыля Гіацинта та проблеми літературної специфіки панегирика як жанру давньої літератури

У статті розглядається проблема занадто вільного використання терміна "панегірик" в історико-літературознавчому дискурсі. Назва цього жанру, історія якого сходить до літератури Стародавнього Риму, співвідносилася передусім із ораторською прозою. Проте, термін "панегірик" широко застосовується дослідниками літератури XVI-XVII століть для жанрового позначення найрізноманітніших творів – як прозових, так і поетичних. В якості окремого прикладу в статті характеризується поетичний пам'ятник XVI століття "Панегірик на взяття Полоцька" віленського поета Базыля Гіацинта, робляться висновки про специфіку його жанрового генезису.

Ключові слова: панегірик, ораторська проза, урочиста промова, поезика, жанр, Велике Князівство Литовське, Ренесанс.

Nekrashevich-Karotkaja Zh. V., Ph. D., Full Professor

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Panegyric on the Seizure of Polotsk (1580) by Basilius Hyacinthius and the Problem of the Literary Peculiarity of a Panegyric as a Genre of Ancient Literature

The article analyzes the problem of a frivolous interpretation of the term panegyric in the historical and literary discourse. With its history originating in the literature of Ancient Rome, this genre obtained the name that correlated, first and foremost, with oratorical prose. Nevertheless, literary scholars of the 16–17th centuries widely used the term panegyric to define a broad spectrum of literary works, both prosaic and poetic. The article studies the Panegyric on the Seizure of Polotsk (by Basilius Hyacinthius), a characteristic example of a 16th century poetic monument, and makes conclusions about the peculiarity of the genesis of this genre.

Key words: panegyric, oratorical prose, declamation, poetics, genre, Grand Duchy of Lithuania, Renaissance.

Літэратура:

1. Галич, О. Теорія літэратуры: падручнік / О. Галич, В. Назарець, С. Васильев ; за наук. ред. О. Галича. – 3-е вид., стереотип. – К. : "Либідь", 2006. – 487 с.
2. Корнієнко, В. В. Латинськомовний панегірик XVI–XVII століття / В. В. Корнієнко // *Studia Linguistica* : зб. наук. пр. – Вип. 3. – К. : Київський університет, 2009. – С. 125–129.
3. Лазарук, М. А. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў / М. А. Лазарук, А. Я. Ленсу. – Мінск : Народная асвета, 1996. – 176 с.
4. Лазука, Б. Панегірык братоў Скарульскіх – помнік ранняга Барока на Беларусі / Б. Лазука // *Мастацкая спадчына Нясвіжа* / Мат-лы міжнар. нав. канф. – Нясвіж, 2005. – С. 102–104.
5. Маслюк, В. П. Латинськомовні поетики і риторіки XVII – першай паловіны XVIII ст. та іх роль у развітку тэорыі літэратуры на Украіні / В. П. Маслюк. – К. : Наукова думка, 1983. – 234 с.
6. Рагойша В.П. Паэтычны слоўнік / Вячаслаў Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 576 с.
7. Саверчанка, І. В. Старажытная паэзія Беларусі. XVI – першая палова XVII ст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.
8. Шталь, І. Панегірык / І. Шталь // *Словарь литературоведческих терминов* / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : "Просвещение", 1974. – С. 258.
9. Яковенко, Н. М. Латинська мова : Підручник / Н. М. Яковенко, В. М. Миронова. – К. : Знання, 2005. – 541 с.
10. Bruchnalski, W. Między średniowieczem a romantyzmem / W. Bruchnalski ; wybór i opracowanie J. Starnawski. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – 629 s.
11. *Hyacinthius Vilnensis, B. Panegyricus in excidium Polocense atque in memorabilem victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis Magnique Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX reportatem. Basilii Hyacinthii Vilmensis ad inclitum Nicolaum Georgii Radivillum Ducem Dubingae et Birzae in Lituania. <...> – Patavii : Apud Laurentium Pasquatium, 1580. – [49] p.*
12. *Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi quinti decimi et sexti decimi / concinnaverunt D. Narbutiene et S. Narbutas. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002. – 238 p.*
13. Morawski, K. Walka o język polski w czasach Odrodzenia / K. Morawski. – Kraków : Nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1923. – 54 s.
14. Nowak-Dłużewski, J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce : Czasy Zygmuntofskie / J. Nowak-Dłużewski. – Warszawa : Instytut wydawniczy "Pax", 1966. – 423 s.
15. Patiejūnienė, E. Mažosios literatūros formos XVI – XVII amžiaus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės spaudiniuose / Eglė Patiejūnienė. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. – 372 p.
16. *Scaliger, J. C. Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem <...> Ad Sylvium filium. – [Lyon] : Apud Antonium Vincentium, [1561]. – [12], 364 p.*

Стаття надійшла до редакції 10.04.14